

ДВУСОСТАВНЫЕ И ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: традиционные, социальные и временные тенденции в русском языке

И.Б. Авдеева

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению связи мыслительных и речевых актов. Проанализированы различные по составу типы русского предложения: двусоставные, трёхсоставные, односоставные субъектно-предикативные конструкции. Односоставные бессубъектные предложения определены как специфические для русской грамматической системы, обусловленные «неэгоцентричностью». Подробно рассмотрена специфика научно-технического подстиля. Актуальность статьи состоит в описании недавно появившейся тенденции использования в разговорной речи двусоставной конструкции с предикатом в форме 2-го лица единственного числа, несвойственной русскому языку. С позиции социолингвистики, лингвистической прагматики, когнитивистики, дискурсивного анализа дана отрицательная характеристика данному явлению.

Ключевые слова: двусоставные предложения, односоставные безличные предложения, бессубъектность, инверсионность, научно-технический подстиль, устная непринуждённая разговорная речь, статусно-ролевые отношения, персональный и институциональный дискурсы.

Для цитирования: Авдеева И.Б. Двусоставные и односоставные предложения: традиционные, социальные и временные тенденции в русском языке // Преподаватель XXI век. 2023. № 1. Часть 2. С. 313–322. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-313-322

313

TWO-MEMBER AND ONE-MEMBER SENTENCES: Traditional, Social and Time Trends in the Russian Language

I.B. Avdeyeva

Abstract. The article examines the relationship between the thought and speech acts. Different types of Russian sentences are analyzed: two-member, three-member, and one-member subject-predicate constructions. One-member non-subject sentences are defined as specific to the Russian grammatical system, conditioned by “non-egocentricity”. The specifics of the scientific and technical sub-styles are considered in detail. The relevance of the article lies in the description of the recent tendency to use in colloquial speech the two-member constructions with the predicate in the form of the 2nd person singular, which is not typical for the Russian language. From the position of sociolinguistics, linguistic pragmatics, cognitive science and discourse analysis this phenomenon is characterized negatively.

© Авдеева И.Б., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *two-member sentences, one-part impersonal sentences, subjectivity, inversion, scientific and technical substyle, oral casual colloquial speech, status-role relations, personal and institutional discourses.*

Cite as: Avdeyeva I.B. Two-member and One-member Sentences: Traditional, Social and Time Trends in the Russian Language. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2023, No. 1, part 2, pp. 313–322. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-313-322

«Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвась, заменила...»
А.С. Пушкин, 1828

1. Двусоставность предложения

Теория языковой предикации, рассматривающая соотношение языка и мышления, достаточно хорошо изучена, будучи важной проблемой синтаксиса. Базирующаяся на античных теориях логики **универсальная двучленность мыслительного акта** декларируется синтаксистами сегодня как базовая составляющая предложения. Утверждается, что предложение всегда выражает акт мышления, а потому **двучленность, двусоставность** является его неотъемлемым признаком [1, с. 24]. Хотя в формальной и математической логике, а также у сторонников системной лингвистики существует представление, что акт мышления, трансформируя имеющиеся положения в новые, **трёхчленен** [2, с. 71].

2. Грамматическая специфика русского языка

Таким образом, считается, что традиционное классическое предложение — это предложение, состоящее из двух главных частей: субъекта и предиката. **Субъектно-предикативные конструкции** в русском языке очень многообразны и зависят от многих факторов, включая ситуации общения и функциональные стили их употребления. При этом репертуар **двусоставных предложений**

в русском языке отличается не только разнообразием в зависимости от лица и числа субъекта и предиката, но и представлен также достаточно распространёнными специфическими **односоставными предложениями, лишёнными субъекта.**

В классической филологии и присущей ей описательной грамматике, трактующей эмпирические данные, достаточно хорошо изучены и сформулированы понятия структуры и лексического наполнения так называемого **традиционного русского предложения**, состоящего из именного подлежащего, простого глагольного сказуемого и именного объекта и обстоятельства. Но до сих пор нет единого мнения относительно структуры и лексического наполнения довольно распространённых **односоставных предложений**, к которым причисляются номинативные, инфинитивные, безличные, неопределённо-личные и т. п. Эту вторую группу, незаслуженно именуемую «нетрадиционной», часто трактуют просто как проявление древнего «мифологического мышления» [3, с. 80]. В **грамматике РКИ**, рассматривающей русский язык как бы со стороны, напротив, в обобщённо-личных, неопределённо-личных, безличных и других **односоставных бессубъектных предложениях** видят особенность, специфику именно русской ментальной и грамматической системы, которая неизменно вызывает сложности при изучении у иностранцев всех категорий [4, с. 5].

В работе [5] наглядно показано, что все частные проблемы, возникающие

у иностранных учащихся при чтении русскоязычных текстов, обусловлены **двумя основополагающими особенностями** русского языка: это **бессубъектность** односоставных предложений и довольно свободный порядок расположения слов (относительно других языков, в частности, английского, китайского и т. п.), **инверсионность**. «Неправильный» с точки зрения классического расположения (субъект — предикат — объект) порядок слов в русском предложении, а также полное отсутствие грамматического субъекта характеризуются иностранцами, особенно знающими по 5–6 разным языкам, фразой **«это хаос для меня»**. Все остальные частные трудности при работе над грамматикой русского языка представляют собой результат перечисленных двух.

Можно проследить аналогию между социальными, экономическими условиями жизни носителей русского языка в течение последних трёхсот лет и ментальными формами, отраженными в грамматической системе, в отличие от экономики развитого капитализма европейских стран. Существуют типичные варианты конструкций, отличающих специфику русского «соборного» менталитета от англо-саксонского «индивидуально-капиталистического». «Примером совершенно нормальной для английского языка фразы “*You do*” (т. е. «*Ты делаешь*», где на первом месте стоит субъект, за ним следует предикат, а объекта «*дела́*» как такового нет) является её сугубо русский вариант перевода «*Дела́ делаются*», где акцент перенесён с субъекта на объект (*дела́*), а уж кем они делаются — как бы сами собой, но, главное, без твоего личного участия — вообще неважно для русского человека» [там же]. Налицо более точное русское описание сути явления, которое рекламируется, по сравнению с английским, не соответствующим ему.

Это зависит от того, что в русском языке существует разнообразный инструментарий для описания действий без указания на того, кто это действие выполняет:

- **односоставные бессубъектные предложения**, в которых субъект бывает **опущен** (определённо- и неопределённо-личные предложения: *(мы) Пойдём гулять*; *(они) Книги привезли*);

- **субъект отсутствует** (безличные предложения: *это следует делать так*);

- осуществляется **замена** логического объекта на грамматический субъект при использовании возвратных глаголов со значением самопроизвольного действия (*Буква читается (ими) как звук*).

Очевидно, в период Нового времени в жизни большинства россиян не предполагалось наличие актора, деятеля-индивидуала, трансформирующего жизнь по собственной воле вокруг себя, как, например, у британцев, пишущих слово «я» с заглавной буквы “I”. Подобные особенности русского языка иностранные учащиеся из Мьянмы, Индии, Непала определяют как «буддийский менталитет русских» (*buddhist mentality*).

При этом **специалисты отмечают**, что **безличные конструкции** не теряют своей продуктивности, постоянно развиваясь, распространяются на новые области, в том числе профессиональных социолектов, ослабляя роль личных предложений. Данное явление рассматривают как типично русский феномен, что соответствует трендам эволюции русского синтаксиса, включающим всё более широкое употребление типов безличных предложений по сравнению с другими европейскими языками, в которых происходят изменения, протекающие в противоположном направлении. Считается, что в русском языке и русской культуре **безличные предложения** олицетворяют собой национальный семантический универсум [6, с. 127].

Ещё в конце XX века данное явление расценивали как «неэгоцентричность», свойственную русскому языку, который «вуалирует» внутреннюю активность и гностические действия. Рекомендовалось уделять внимание иностранным учащимся «стереотипам русского языкового сознания», «стереотипам языковой стилистики», не позволяя инофонам в продуцируемой речи делать его «субъектоцентричным», как в европейских языках [7, с. 72–104]. В контексте русской языковой картины мира изучение **безличных, бессубъектных предложений** в последнее время должно получать новое направление.

3. Специфика научно-технического подстиля

Если говорить о научном стиле, в частности о подъязыках различных социумов, профилей, также давно установлены определенные закономерности, а не случайный выбор тех или иных конструкций. Установлено, что презентация новых знаний в научном тексте основана на определённых принципах и не является спонтанной или индивидуальной авторской. Различные группы учащихся имеют **разные модели мышления**, которые соотносятся с существующими «культурно-языковыми правилами мышления и текстопроизводства» в определенной сфере общения в конкретном коммуникативном пространстве [8, с. 368–370]. Например, исследователь Т.В. Васильева, серьезно занимавшаяся лингвостилевым анализом текстов учебников инженерного профиля, т. е. **инженерно-технического подстиля**, утверждает, что наиболее тесно связь логических структур и их грамматического наполнения, т. е. языковой формы, выражена в дисциплинах математического цикла, даже по сравнению с другими инженерными дисциплинами, где

высказывания также подчинены законам формальной логики [9, с. 94]. Из всех **типичных синтаксических конструкций** подъязыка математики она выделила те, в которых человек присутствует как активный деятель: двусоставные и односоставные **определённо-личные конструкции**: «*Учитывая равенства, мы получаем...*»; или «*Умножим обе части равенства (6) на... и проинтегрируем...*». Учёный относит эту традиционную сегодня стилистическую особенность математических текстов ко времени возникновения русской традиции написания учебников как переводов, «калек» с романских и германских языков [там же]. При этом, по мнению исследователя, в собственно инженерных дисциплинах преобладают **неопределённо-личные предложения**, где в качестве предикатов используются «сквозные» глаголы *говорят, называют, считают, объединяют, доказывают* и т. п.

Многолетний опыт преподавания НСР и языка специальности контингенту иностранных инженеров/будущих инженеров, а также анализ большого корпуса текстов по инженерным дисциплинам позволил нам сделать **однозначный вывод**, что именно **данные «нетрадиционные» типы односоставных предложений** (безличные, определённо- и неопределённо-личные), которые составляют подавляющее большинство в текстах научно-технического подстиля, являются наиболее сложными для понимания и усвоения инофонами. Проведя анализ учебников и обобщив данные исследований, мы установили, что выделенные ранее **две основополагающие проблемы**, обусловленные **бессубъектностью и инверсионностью**, проявляются при работе над текстами научно-технического подстиля в **более концентрированной форме** со своими яркими особенностями [10]. Наиболее распространены следующие:

типичная для математики обобщённо-личная конструкция с «мы», подчас опущенным в тексте: «(мы) решаем это уравнение так»; или типичная для языка науки безличная конструкция: «это можно/нужно/следует делать так»; или типичная для инженерных дисциплин неопределённо-личная конструкция также с опущенным субъектом: «(они/инженеры) делают это так». Чертежи (они) чертят циркулем. Машины (они) строят из стали. Именно **безличность и неопределённо-личность** были определены нами как базовая особенность формирования инженерного менталитета [11; 12].

Таким образом, те или иные субъектно-предикативные конструкции в русском языке имеют свою специфику в **разных сферах общения**, в текстах и дискурсах **различных профессиональных областей**.

4. Новая тенденция последнего времени

После всего вышеизложенного хотелось бы остановиться на недавно появившемся (видимо, в эпоху пандемии) неуместном, фамильярном и даже вульгарном явлении — на использовании **в устной непринуждённой разговорной речи**, включая СМИ, т. е. в обыденном общении, формы 2-го лица единственного числа там, где **по-русски** должны бы употребляться неопределённо-личные формы 3-го лица или безличные конструкции.

Например: о карантине в Китае, речь идет об ограниченном количестве иностранцев, приехавших по работе в Китай: «Когда и во сколько **ТЫ** выйдешь, неизвестно», вместо «когда и во сколько **ОНИ** выйдут».

Или: речь генерала о СВО: «Рутинных военных учений не бывает, **ТЫ** всегда кого-либо **предупреждаешь**», вместо: «обычно всегда кого-либо **предупреждают**».

Или: при описании ситуации с блокировкой YouTube определённых каналов (коллективных сообществ, как, например, канал RT) ведущий говорит широкой телевизионной аудитории: «Никто не знает, за что **ТЕБЯ** могут заблокировать», хотя здесь явно предполагается «любого», «кого-либо» и т. п.

Следует подчеркнуть, что в современной коммуникативной лингвистике принято рассматривать **устную разговорную речь** как «**полноценную (каноническую) коммуникативную систему**» при противопоставлении ей других функциональных стилей как неполноценных ситуаций общения, поскольку коммуникация в них представлена в опосредованном виде [13]. Традиционно в обыденном общении с позиции дискурсивного анализа, проводимого с учетом принципов лингвистической прагматики, когнитивистики, социолингвистики, действие фактора «я — ты», «я — вы», «я — он», «я — ты — он» рассматривали в контексте системы координат, в которой адресованное другу нельзя адресовать стоящему более высоко в социуме [14, с. 91]. Использование же при адресации широкой аудитории местоимений 2-го лица единственного числа как бы реализовывает направленность лично на каждого адресата (а не коллективного), и слушатель вынужден воспринимать подобные высказывания как адресованные лично ему, что, безусловно, нарушает русский речевой этикет, причём еще с пушкинских времён. Это напоминает фамильярность первых лет советской власти на плакатах: «Ты записался добровольцем?» или «Не болтай!». Таким образом оратор пытается «включить» каждого слушателя в ход своих мыслей (часто негативного характера), что особенно неприятно слушающему, декларируя: «Ты не сможешь сделать это!»; «Ты туда никогда не попадешь!»

вместо более мягких, безличных и неопределённо-личных конструкций, свойственных русскому языку: «*Это так не делают, но делают другим способом*»; «*Туда нельзя попасть таким образом, но можно пойти по другому пути*». В подобных случаях можно отметить способность говорящего вызвать эффект «перенесения» своих смыслов на слушающего [15, с. 208], т. е. **определённое амикишонство**, граничащее с **нейролингвистическим программированием**.

Поскольку дискурс создают участники с разными социальными ролями и установками в определённой ситуации общения, в науке традиционно изучают два типа дискурса: **персональный**, или личностно-ориентированный, и **институциональный**, или статусно-ориентированный. Институциональный дискурс выделяется на базе цели и участников коммуникации, являясь общением в строгих рамках **статусно-ролевых отношений** [16, с. 54]. К нему принадлежит дискурс СМИ (политический и иные). В рамках социального контекста дискурс СМИ определяют ориентацией на массовую аудиторию, национально-культурной спецификой и степенью идеологизации. Невозможно продуцировать «нейтральную» речь, т. к. любой диалог подразумевает воздействие на собеседника, его восприятие и структурирование картины мира, т. е. «осуществление власти» [17, с. 91]. Таким образом, представители масс-медиа последнее время пытаются как бы «**заблокировать**» инициативу слушателей, причем не всех вместе, а каждого по отдельности, дать **негативные установки** на невозможность «именно тебе», а не кому-то еще что-либо сделать, понять, усвоить и т. п. Это, безусловно, можно расценить как стратегию манипулирования, не свойственную **русскому культурному коду**.

Например, в медицинской передаче: «*Этого нельзя сделать самому, без врача, а **ТЫ** и не сможешь*», вместо «*Это невозможно сделать*»; «*Этого **нельзя** сделать самому*».

Или в «Модном приговоре»: «*Хорошо ходить в музеи с детьми, если **ТЫ** сам не знаешь хорошо искусство*», вместо «*не знает*».

По наблюдениям, этим в меньшей степени страдают люди старшего поколения, воспитанные в период «развитого социализма», обладая четким иммунитетом к стилистическим и социальным неточностям и смешениям. Подхватили эту «инфекцию» люди, воспитанные в постсоветскую и поздние эпохи, когда массированно декларировались всяческие «демократические» целевые установки, подчас позаимствованные у западных СМИ.

Но особенно возмутительно, когда по официальным каналам телевидения **специально обученные люди (ведущие, дикторы, шоумены)**, обращаясь к широкой аудитории, смешивают таким образом два вида дискурса. Постоянно с телевизионных экранов ораторы осуществляют этот странный «перенос» с одного актора на другого в рамках одного сложного предложения, подчас совмещая в одном предложении не только разные субъекты, но также разные времена, что выглядит совершенно абсурдно.

Например, один из политологов: «*Я думаю, если **Зеленский** сейчас лидер Украины, то сколько **ТЫ** будешь продолжать эту политику*», вместо «*сколько он будет продолжать*».

Или доктор Мясников: «*Я туда добрался (на Эльбрус) только благодаря тому, что **ТЫ** идёшь туда постепенно*», вместо «*я шёл туда*».

Или доктор Мальшева в «Жить здорово»: «*От химического опыления **пчелы** теряют обоняние, а если **ТЫ** потерял*

обоняние, то не можешь опылять цветы», вместо «они теряют обоняние, но не могут опылять...».

По мнению исследователя В.С. Елистратова, многие языковые единицы, будучи изучаемыми, всё же являются для лингвистов ничем иным, как «**маргиналами**» с неопределённым «официальным статусом». Ученый называет подобные речевые «опции» «**лингвомикробами**», определяя их как наиболее опасный для иностранцев сегмент русской речи ввиду его легкой воспринимаемости при непосредственном общении [18, с. 150–151].

Этот, с позволения сказать, «тренд» последнего периода, эту описанную выше «инфекцию», к сожалению, подхва-

тывают не только «неокрепшие» носители языка, но и иностранцы, живущие в России. Нельзя не согласиться с учёным, который, говоря о других подобных явлениях в русском языке, полагает, что отрицательная роль этих слов на психолингвистическом и нейролингвистическом уровне представляется важной [там же, с. 151]. Безусловно, необходимо проводить подробные социолингвистические исследования, в рамках которых профессиональному сообществу следует анализировать новые речевые и языковые явления русского языка, давать им адекватную и своевременную оценку с целью профилактики и предупреждения речевых ошибок как наших соотечественников, так и иностранцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
2. Мельников, Г.П., Преображенский, С.Ю. Методология лингвистики: учебное пособие. М.: РУДН, 1989. 92 с.
3. Мельников, Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. Курс лекций. М.: РУДН, 2000. 89 с.
4. Величко, А.В. Существует ли грамматика РКИ? // Формы обучения РКИ в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 3–7.
5. Авдеева, И.Б. “You do”, или «Дела делаются»: лингвокогнитивное обоснование структурных особенностей русского языка // Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ / ред. Н.А. Боженкова, С.В. Вяткина, Н.И. Клушина и др. СПб., 2019. С. 826–832.
6. Захарова, М.В. Безличные предложения в концептосфере русского языка // Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации: сб. научных докладов X Международной конференции по функциональной лингвистике. Ялта, 2003. С. 126–128.
7. Степанов, Ю.С. Семантика. М.: Наука, 1971. 167 с.
8. Митрофанова, О.Д. Научный поиск — педагогическая реальность — лингводидактические технологии // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. София, 2007. С. 366–370.
9. Васильева, Т.В. Отбор и описание лексико-грамматического материала: подязыки специальности для иностранных учащихся инженерного профиля. М.: Янус-К, 2005. 316 с.
10. Авдеева, И.Б., Васильева, Т.В., Орлова, Т.К. Русский язык для иностранных учащихся инженерного профиля: лексика и грамматика. Рабочая тетрадь. СПб.: Златоуст, 2014. 130 с.
11. Авдеева, И.Б. Безличность и неопределённо-личность как отражение профессионального мышления инженеров // Актуальные вопросы международного сотрудничества в образова-

- нии: сборник научно-методических трудов / под ред. Д.Г. Арсеньева, И.И. Барановой, В.В. Краснощёкова. СПб., 2017. С. 36–45.
12. Авдеева, И.Б. Проявление «образа мира» инженера на лингвистическом уровне: безличность и неопределённо-личность // Международное образование и сотрудничество: сборник материалов V Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 3–8.
  13. Падучева, Е.В. Семантические исследования. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 193–405.
  14. Величко, А.В. Текст как коммуникативная единица. Предложения фразеологизированной структуры в тексте и дискурсе // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного: материалы XII Международной научной конференции / отв. ред. О.В. Чагина. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 90–91.
  15. Леонтьев, А.А. Психология общения. 2-е изд. М.: Смысл, 1997. 365 с.
  16. Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. научных статей. СПб., 2001. С. 11–22.
  17. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия: сб. статей / ред. В.В. Петрова. М., 1987. С. 88–125.
  18. Елистратов, В.С. Незнаменательные лингвомикробы современной русской речи как проблема лингвокультурологии и РКИ // Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного: материалы XII Международной научной конференции / отв. ред. О.В. Чагина. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 150–151.

REFERENCES

1. Zolotova, G.A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow, Nauka, 1982, 368 p. (in Russ.)
2. Melnikov, G.P., Preobrazhenskij, S.Yu. *Metodologiya lingvistiki* [Methodology of Linguistics: Textbook]. Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov, 1989, 92 p. (in Russ.)
3. Melnikov, G.P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: sintez morfologicheskoy klassifikacii yazykov so stadijalnoj. Kurs lekcij* [System Typology of Languages: Synthesis of Morphological Classification of Languages with Stadijal. Course of Lectures]. Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov, 2000, 89 p. (in Russ.)
4. Velichko, A.V. Sushchestvuet li grammatika RKI? [Is There a Grammar of Russian as a Foreign Language?]. In: *Formy obucheniya RKI v sovremennyh usloviyah* [Forms of Teaching Russian as a Foreign Language in Modern Conditions: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Dialog-MGU, 2000, pp. 3–7. (in Russ.)
5. Avdeeva, I.B. “You do”, ili “Dela delayutsya”: lingvokognitivnoe obosnovanie strukturnyh osobennostej russkogo yazyka [“You Do” or “Things are Being Done”: Linguocognitive Justification of the Structural Features of the Russian Language]. In: *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire* [Russian Word in a Multilingual World: Proceedings of the XIV Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature], ed. by N.A. Bozhenkova, S.V. Vyatkina, N.I. Klushina, etc. St. Petersburg, 2019, pp. 826–832. (in Russ.)
6. Zaharova, M.V. Bezlichnye predlozheniya v konceptsfere russkogo yazyka [Impersonal Sentences in the Conceptual Sphere of the Russian language]. In: *Funkcionirovanie russkogo i ukrainskogo yazykov v epohu globalizacii* [Functioning of the Russian and Ukrainian Languages in the Era of

- Globalization: Collection of Scientific Reports of the X International Conference on Functional Linguistics]. Yalta, 2003, pp. 126–128. (in Russ.)
7. Stepanov, Yu.S. *Semantika* [Semantics]. Moscow, Nauka, 1971, 167 p. (in Russ.)
  8. Mitrofanova, O.D. Nauchnyj poisk — pedagogicheskaya realnost — lingvodidakticheskie tekhnologii [Scientific Search — Pedagogical Reality — Linguodidactic Technologies]. In: *Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire* [The World of the Russian Word and the Russian Word in the World: Proceedings of the XI Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature]. Sofiya, 2007, pp. 366–370. (in Russ.)
  9. Vasileva, T.V. *Otbor i opisaniye leksiko-grammaticheskogo materiala: podyazyki specialnosti dlya inostrannykh uchashchihsya inzhenernogo profilya* [Selection and Description of Lexical and Grammatical Material: Sublanguages of Specialty for Foreign Students of Engineering Profile]. Moscow, Yanus-K, 2005, 316 p. (in Russ.)
  10. Avdeeva, I.B., Vasileva, T.V., Orlova, T.K. *Russkij yazyk dlya inostrannykh uchashchihsya inzhenernogo profilya: leksika i grammatika. Rabochaya tetrad* [Russian for Foreign Students of Engineering Profile: Vocabulary and Grammar. Workbook]. St. Petersburg, Zlatoust, 2014, 130 p. (in Russ.)
  11. Avdeeva, I.B. Bezlichnost i neopredelyonno-lichnost kak otrazheniye professionalnogo myshleniya inzhenerov [Impersonality and Indefinite Personality as a Reflection of Professional Thinking of Engineers]. In: *Aktualnye voprosy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v obrazovanii* [Topical Issues of International Cooperation in Education: Collection of Scientific and Methodological Works], ed. by D.G. Arsenyev, I.I. Baranova, V.V. Krasnoshchekov. St. Petersburg, 2017, pp. 36–45. (in Russ.)
  12. Avdeeva, I.B. Proyavleniye “obrazov mira” inzhenera na lingvisticheskom urovne: bezlichnost i neopredelyonno-lichnost [Manifestation “Images of the World” of an Engineer at the Linguistic Level: Impersonality and Indefinite Personality]. In: *Mezhdunarodnoye obrazovanie i sotrudnichestvo: sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [International Education and Cooperation: Collection of Materials of the V International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2017, pp. 3–8. (in Russ.)
  13. Paducheva, E.V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika narrative* [Semantic Research. Semantics of Narrative]. Moscow, Yazyki russkoj kultury, 1996, pp. 193–405. (in Russ.)
  14. Velichko, A.V. Tekst kak kommunikativnaya edinica. Predlozheniya frazeologizirovannoj struktury v tekste i diskurse [Text as a Communicative Unit. Sentences of Phraseologized Structure in the Text and Discourse]. In: *Tekst: problemy i perspektivy. Aspekty izucheniya v celyah prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Text: Problems and Prospects. Aspects of Studying for the Purpose of Teaching Russian as a Foreign Language: Materials of the XII International Scientific Conference], ed. by O.V. Chagin. Moscow, MAKS Press, 2019, pp. 90–91. (in Russ.)
  15. Leontev, A.A. *Psihologiya obshcheniya* [Psychology of Communication]. Moscow, Smysl, 1997, 365 p. (in Russ.)
  16. Chernyavskaya, V.E. Diskurs kak obekt lingvisticheskikh issledovanij [Discourse as an Object of Linguistic Research]. In: *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa* [Text and Discourse. Problems of Economic Discourse: Collection of Scientific Articles]. St. Petersburg, 2001, pp. 11–22. (in Russ.)
  17. Blakar, R.M. Yazyk kak instrument socialnoj vlasti [Language as an Instrument of Social Power]. In: *Yazyk i modelirovaniye socialnogo vzaimodejstviya* [Language and Modeling of Social Interaction: Collection of Articles], ed. by V.V. Petrov. Moscow, 1987, pp. 88–125. (in Russ.)

18. Elistratov, V.S. Neznamenatelnye lingvomikroby sovremennoj russkoj rechi kak problema lingvokulturologii i RKI [Non-Significant Linguomicrobes of Modern Russian Speech as a Problem of Linguoculturology and Russian as a Foreign Language]. In: *Tekst: Problemy i perspektivy. Aspekty izucheniya v celyah prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Text: Problems and Prospects. Aspects of Studying for the Purpose of Teaching Russian as a Foreign Language: Materials of the XII International Scientific Conference], ed. by O.V. Chagin. Moscow, MAKS Press, 2019, pp. 150–151. (in Russ.)
-

Авдеева Ирина Борисовна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра «Русский язык для иностранных граждан», Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет, академик, Петровская академия наук и искусств, i.b.avdeyeva@mail.ru

Irina B. Avdeyeva, ScD in Education, Professor, Russian Language for Foreign Citizens Department, Moscow Automobile and Road State Technical University, Academician, Petrovsky Academy of Sciences and Arts, i.b.avdeyeva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.10.2022. Принята к публикации 02.12.2022

The paper was submitted 22.10.2022. Accepted for publication 02.12.2022